

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ I.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня

В. И. Головина,

у Владимирской церкви, домъ № 15, кварт. № 3.

1870.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ I.

Годъ первый. ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ, АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ. 1870 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Объ изданіи «Русской Старины»	1	XI. Записки М. И. Глининъ 1804-1854 гг. части I и II	313
II. Военныи быть въ Беломъ Новогородѣ XI—XV ст. Изслѣдованіе А. И. Никитскаго	5	XII. Указы, реескрипты, письма: Петра I, Екатерины I, Анны Ивановны, Ивана Антоновича, Павла I, императрицы Марии Федоровны, импер. Александра I и Николая Павловича. 1705-1826 гг.	389
III. Журналъ генерал-фельдмаршала кн. Ю. Ю. Трубецкаго 1717-1763 гг.	33	XIII. Письма, разсказы и замѣтки относящіяся до государ. дѣтелей: кн. М. М. Щербатова, гр. Аракчеева, кн. М. И. Голенищева—Кутузова—Смоленскаго; гр. П. П. Коновницына, генер. Фуля, А. С. Шишкова, архимандрита Фотія и И. Н. Скобелева, 1789-1826 гг.	478
IV. Записки придв. бригадицкаго Позье 1729-1764 гг. и пис. Пикара 1781 г.	128	XIV. Русские писатели XVIII-го вѣка: Олешикъ въ Днѣтрѣвъ—Маконовъ, изслѣд. М. Н. Лонгинова	541
V. Записки Лагарпіи о воспитаніи в. к. Александра и Константина Павловичъ 1786-1789 гг.	152	XV. Русские писатели XIX-го вѣка: К. Н. Батюшковъ, кн. А. И. Одоевскій, В. К. Кюхельбекеръ, И. А. Крыловъ, А. С. Пушкинъ, Н. А. Полевой и Ф. Ф. Вигель	549
VI. Воспоминанія гр. Коновницына, адмирала Колзакова, А. П. Степанова, сенатора И. Д. Данилова, Н. А. Титова, А. П. Корниль, генер. Н. Г. Смыгунова 1808-1826 гг.	207	XVI. Некрологъ: о М. Я. Морошининъ. (+ 15 апрѣля 1870 г.).	579
VII. Записки М. А. Бестужева: I. Братья Бестужевы. II. Стѣнная азбука въ Петров. крѣпости 1820-1826 гг.	253	XVII. Библ. листокъ рус. истор. книгъ	1-20
VIII. Бунты военныхъ поссланъ, разсказы очевидцевъ: о. И. Пархома и П. Н. Дирина 1831 г.	275		
IX. Записки императора Николая Павловича о Пруссіяхъ дѣлахъ 1848 г.	289		
X. Оборона Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ 1854 г., записки контр-адмирала А. П. Арбузова	298		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. части I—IV., письма 1—47., съ портретомъ и 22-ма рисунками, исполненными авторомъ и гравированными акад. Л. А. Страховскимъ. Быть статьѣ А. П. Арбузова приложенъ планъ Камчатскаго порта въ 1854 г., исполн. въ картогр. завед. А. А. Ильина.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Печатня

В. Н. Головиза,

1870.

ВОЕННЫЙ БЫТЬ ВЪ ВЕЛИКОМЪ НОВГОРОДѢ.

XI — XV ст.

(Исторический очеркъ).

Предпринимая издание „Русской Старины“ съ цѣлью обнародования материаловъ и изслѣдований, относящихся преимущественно до отечественной исторіи XVIII и XIX столѣтій, — ближайшихъ къ намъ по времени, но наименѣе извѣстныхъ изъ всей русской исторіи, — мы въ то же время обѣщали, что „всякое замѣчательное оригинальное изслѣдование изъ области исторіи до-Петровской Руси всегда найдетъ мѣсто на страницахъ нашего изданія“.

Вѣрные своему обѣщанію, мы представляемъ на этотъ разъ очеркъ молодого ученаго, А. И. Никитского: „Военный бытъ въ Великомъ Новгородѣ“. Г. Никитский оканчиваетъ обширный трудъ, представляемый имъ с.-петербургскому университету на учennуу степеньмагистра, именно: „Исторію Пскова“. По тѣсной связи съ этой исторіей исторіи старшаго брата Пскова — Великаго Новгорода — г. Никитский занялся изученiemъ и его, преимущественно внутренней, бытовой исторіи. Отдельныя главы изъ этого послѣдняго замѣчательнаго изслѣдованія, озаглавленного: „Очерки изъ жизни Великаго Новгорода“ — напечатаны въ Журналѣ Министерства Народнаго Пропаганды *) 1869—1870 гг., а именно: „Правительственный Совѣтъ“ и „Великий Иванъ на Опокахъ“ (торговый бытъ).

Настоящій очеркъ представляетъ изслѣдование одной изъ важнѣйшихъ сторонъ въ бытовой исторіи Велико-Новгородской державы. Изслѣдование это основано на многихъ источникахъ, преимущественно лѣтописяхъ и актахъ, но всѣ ссылки мы, съ согласія автора, по значительности числа ихъ, опустимъ; онъ будуть приведены въ своеемъ мѣстѣ въ отдельномъ изданіи почтеннаго труда г. Никитского.

Ред.

Въ древнѣйшій, патріархальный періодъ исторіи народъ и войско были явленіями почти тождественными: въ то время выраженія войско, полкъ и челядь обозначали просто народъ, тогда какъ впослѣдствіи всѣ три реченія стали обозначать собственно военный классъ людей. Поэтому организація народа была вмѣстѣ съ тѣмъ и военною организаціею. Съ одной стороны центръ племенной жизни, городъ, былъ собственно не что иное, какъ только временнѣй пріютъ отъ непріятеля: это доказывается какъ значенiemъ имени «городъ», такъ и дѣйствитель-

*) Естаки замѣтимъ, что на страницахъ этого изданія довольно часто появляются весьма замѣчательные изслѣдованія изъ области отечественной исторіи и исторіи русской литературы.

Ред.

нымъ характеромъ города. Названія города въ разныхъ языкахъ указываютъ или на защиту (городъ, городить, огорода, подобно тому какъ агх одного корня съ аргеге), или же на возвышенность мѣста, на которомъ обыкновенно воздвигался городъ: *ахра*, *саритолиум*, Вышгородъ. Характеръ же города отражалъ главное назначеніе послѣдняго отсутствіемъ внутри стѣнъ жилого населенія, что обусловливалось разсѣянностью родового мѣстожительства: въ то время каждый родъ жилъ особо и городъ служилъ для нихъ только временнымъ убѣжищемъ. А если съ теченіемъ времени населеніе и примыкало къ городу, то все-таки селилось не внутри его стѣнъ, а около послѣднихъ; и это обстоятельство объясняетъ намъ, почему Кремль, который можетъ быть принятъ за образецъ древняго города, и въ позднѣйшее время обыкновенно не имѣлъ почти никакого населенія. Постройка города и поддержаніе его (градоставленіе, *castrorum ædificatio*, *grado-zidanije*, *hradozdění*) составляли одну изъ главнѣйшихъ обязанностей членовъ племени, которые, если судить по позднѣйшимъ извѣстіямъ, отправляли эту повинность натурой, т.-е., сбирались къ мѣсту постройки и совершили дѣло съобща. Эта обязанность господствовала долгое время и послѣ родового быта, а какъ тажело ложилась она на народъ, видно изъ того, что название обязанности у римлянъ перешло на самыя стѣны: *mœnia*. Съ другой стороны, народъ въ его мирной организаціи былъ вмѣсть съ тѣмъ и войскомъ, которое шло отражать непріятеля или вносило войну въ предѣлы послѣдняго. Военная служба не была преимуществомъ однихъ или тягостю другихъ, а напротивъ, обязанностью для всѣхъ: тогда не могло быть поземельныхъ условій для поступленія въ ряды воиновъ, такъ какъ не было прочной осѣдлости, и такъ какъ владѣніе было общимъ. Всѣ годные къ оружію члены родовъ были естественно обязаны, въ случаѣ надобности, выходить на войну; поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что войско, во всей его совокупности, было въ тоже самое время и народнымъ собраніемъ, вѣчемъ. Начальники племенъ и родовъ были и естественными предводителями на войнѣ; поэтому и название воевода, первоначально родонаучальникъ, впослѣдствіи получило исключительное значеніе полководца; поэтому и въ позднѣйшее время жители отдѣльныхъ округовъ выходили на войну подъ начальствомъ

своихъ старостъ, которые, сообразно со своимъ начальственнымъ положеніемъ, получали и большее, сравнительно съ простыми ратниками, вознагражденіе. Мѣстомъ сбора и отправленія, естественно, былъ городъ.

Но съ измѣненіемъ историческихъ и политическихъ обстоятельствъ, съ образованіемъ болѣе обширныхъ княжествъ, такой порядокъ долженъ былъ подвергнуться значительнымъ перемѣнамъ. Призваніе всего народа къ оружію, по незначительности большей части столкновеній, сдѣлалось не только крайне обременительнымъ, но и совершенно излишнимъ; но такъ какъ, съ другой стороны, и понятіе набора было совершенно чуждо древности, то пришлось избрать средній путь, по которому населеніе призывалось къ оружію съ нѣкоторыхъ или со всѣхъ его естественныхъ, соціальныхъ, пластовъ, съ нѣкоторыхъ мѣстностей или же со всей земли. Послѣдній случай, призванія народа къ оружію по мѣстностямъ, имѣлъ мѣсто преимущественно въ оборонительной войнѣ, когда въ страну вторгался незначительный непріятель. Тогда отраженіе послѣднаго обыкновенно предоставлялось той мѣстности, въ которой непріятель появлялся, причемъ военачальникомъ служилъ или мѣстный посадникъ, или же присланный на тотъ часъ особенный воевода. Иногда области подавалась помощь или изъ соѣдніхъ мѣстностей, или же присыпалась вмѣстѣ съ воеводой изъ главного города, помощь, которая называлась въ такихъ случаяхъ засадой, заставой и первымъ дѣломъ которой было занятіе крѣпости (пригорода) въ подверженной непріятельскому вторженію мѣстности. Первый же случай, призваніе народа къ оружію по его соціальнымъ пластамъ, имѣлъ мѣсто преимущественно въ наступательной войнѣ. Въ послѣдней важное мѣсто получаетъ дружина, окружающая князя и образующая какъ бы постоянный классъ военныхъ людей; она была всегда на-готовѣ и обыкновенно служила первымъ средствомъ защиты отъ непріятеля. Отличительный характеръ русской дружины въ сравненіи съ германскою, съ комитатомъ, привыкли видѣть въ томъ, что на Руси дружина основывалась на постоянномъ общеніи съ княземъ, отъ которого и получала свое содержаніе, тогда какъ комитатъ покоился на землевладѣніи, ибо дружины, послѣ каждого удачнаго похода, получали въ вознагражденіе отъ своего князя землю, которая и

замѣнила выдачу содержанія. Но результаты, добытые изъ сравненія двухъ различныхъ періодовъ развитія, обыкновенно ничего не доказываютъ, особенно когда и параллель не совершенно вѣрна. Какъ на Руси, такъ точно и въ Германіи, дружины находились первоначально обыкновенно при князѣ и отнюдь не получала земель въ свое пользованіе; но отсюда однако нельзя заключать, что землевладѣнія дружины первоначально не знала, что оно явилось въ обѣихъ странахъ только впослѣдствіи: дружины не знала только поземельного вознагражденія за службу. Такъ какъ многочисленность дружины составляла, особенно въ древнѣйшее время, одно изъ важнѣйшихъ предложеній княжескаго значенія, то князь естественно долженъ былъ не щадить своихъ средствъ на содержаніе ея, снабжать ее доспѣхами, оружиемъ и конями. Поэтому на дружины шли не только обыкновенные княжескіе доходы, но послѣдніе иногда взимались такими предметами, которыегодны были для употребленія дружины, напр. оружиемъ и конями; въ послѣднихъ предметахъ князь особенно не долженъ былъ имѣть недостатка, такъ какъ за оружиемъ къ нему могъ обратиться, кроме дружины, и народъ, лишившійся его во время частыхъ походовъ: дворъ князя въ этомъ случаѣ служилъ какъ бы арсеналомъ. На сѣверо-западѣ Руси, въ Новгородѣ и Псковѣ, дружина, носившая въ древности имя гродей, въ позднѣйшее время получила название двора, дворянъ, княжанцевъ, шестниковъ или сестниковъ (*advena*); послѣдніе потому, что дружина являлась съ княземъ изъ какой-либо другой страны, преимущественно съ Низу. Въ ней различались главнымъ образомъ два элемента: боевые люди, знакомые съ военнымъ дѣломъ, и кошовыѣ, т.-е. принадлежавшіе къ обозу. Число первыхъ было временами весьма значительно, простиралось до 300; но боязнь усиливающагося могущества великихъ князей побудила новгородцевъ, въ концѣ независимаго ихъ существованія, ограничить число дружины 50-ю человѣкъ.

Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда силы одной дружины оказывались недостаточными, когда приходилось обращаться за поддержкой къ народу, послѣдній рѣдко призывался къ оружію во всей его совокупности. Случалось, что выходила въ походъ одна только передняя дружина, т.-е. лучшіе, знатнѣйшіе люди,

преимущественно бояре; затѣмъ, въ случаѣ надобности, шли всѣ горожане. Сельское же населеніе участвовало только въ важнѣйшихъ войнахъ, да и то преимущественно тѣ лица, которыхъ принадлежали къ разряду болѣе состоятельныхъ, обладавшихъ землею; пѣши же и бобыли, не имѣвшіе земельныхъ участковъ, призывались къ оружію только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Участіе во всеобщемъ, поголовномъ ополченіи характеризовалось въ древности выраженіемъ идти и съ дѣтьми. Въ этомъ случаѣ въ походѣ выходили какъ отцы семействъ, *patres familias*, такъ и большая часть ихъ сыновей, изъ пяти, напр., только одинъ оставался дома. Вообще, воинною службою былъ обязанъ всякий, кто только могъ взять въ руки палку; лица же, пытавшіяся какъ-либо отклониться отъ участія въ войнѣ, подвергались немедленному военному суду: ихъ били и штрафовали деньгами. Исключеніе имѣло мѣсто только для одного духовенства, которое оставалось дома молить Бога объ успѣхѣ похода; но подъ духовенствомъ разумѣлись только лица, уже получившія посвященіе; дьякъ же, подвергшійся тонзурѣ, но еще не посвященный, исключался изъ этого класса и долженъ былъ идти въ ряды ратниковъ. Но если въ походѣ выходили отцы семей и съ дѣтьми, то необходимо предположить, что были случаи, когда войско составляли одни отцы семей; по крайней мѣрѣ у западныхъ славянъ встрѣчаются примѣры несенія воинной повинности именно отцами семей. И въ этотъ периодъ на имущественные (поземельные) отношенія обращалось точно также мало вниманія, какъ и въ предшествовавшій, патріархальный; ничего неизвѣстно о томъ, чтобы понятію «отецъ семьи» соотвѣтствовало какое-либо поземельное понятіе. Во всякомъ случаѣ, не было опредѣленной соразмѣрности воинной повинности съ соціальнымъ положеніемъ населенія, съ количествомъ обладаемой имъ земли: единственное опредѣленіе размѣра обязанности состояло въ томъ, что кто имѣлъ коня, тотъ зачислялся въ конную рать; у кого же коня не было, тотъ садился въ лодью, т.-е. поступалъ въ пѣхоту. Уже древнѣйшему времени извѣстно было распределеніе войска въ битвахъ на три отдѣла, называемые полками: большой полкъ или чело, занимавшій средину, затѣмъ правое и лѣвое крыло или рука. Въ челѣ обыкновенно помѣщалось народное ополченіе, дружина же занимала крылья и образовала

сильный резервъ, который въ пылу битвы старался съ боковъ охватить непріятеля. Если въ походѣ принимало участіе нѣсколько союзниковъ, то въ чель помѣщался обыкновенно храбрѣйший изъ нихъ. На югѣ въ этой роли въ древности явились варяги, на сѣверѣ же, позднѣе, новгородцы, такъ какъ послѣдніе были «къ боеви дерзи», т.-е. отличались своею храбростью. Съ теченіемъ времени сталъ выдвигаться и второй строй, къ третемъ полкамъ стали присоединять еще два новыхъ, передъ или передовой и сторожи или сторожевой полки, такъ что общее число полковъ, на которое распредѣлялось войско въ большихъ битвахъ, простидалось до пяти; тѣмъ развитіе и кончилось, ибо распредѣленіе на пять полковъ сохранилось до конца рассматриваемаго периода.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ этотъ порядокъ долженъ былъ испытать новые перемѣны, съ одной стороны подъ вліяніемъ водворяющейся осѣдлости, съ другой, подъ вліяніемъ обособленія отдѣльныхъ земель. Послѣднее имѣло мѣсто для сѣверо-запада Руси, Великаго Новгорода и Пскова, гдѣ выработалось особынное устройство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и военный быть получилъ отличный отъ остальной Руси отпечатокъ.

Черты, которыми характеризуется нынѣ озерная область, должны быть представлены болѣе выпуклыми, должны быть рассматриваемы, такъ-сказать, въ увеличительное стекло, для того, чтобы можно было составить о нихъ надлежащее понятіе въ минувшее время. Съ одной стороны лѣсъ, который въ древности еще изобилынѣ покрывалъ эту страну, какъ доставлялъ вѣрное убѣжище для населенія, такъ и препятствовалъ вторженіямъ непріятеля; съ другой же множествомъ рѣкъ, озеръ и болотъ, изъ которыхъ иные исчезли вмѣстѣ съ ихъ именами и которая обыкновенно обильно наполнялись водою какъ весною, такъ и осенью, сообщало странѣ островной характеръ. Поэтому доступъ къ Великому Новгороду въ лѣтнее время былъ вообще чрезвычайно труденъ, для конницы же рѣшительно невозможенъ; пѣхота одна только могла быть употреблена въ дѣло, да и то единственно потому, что въ случаѣ надобности помѣщалась на суда. Такой характеръ страны былъ причиною того, что татарское нашествіе почти не коснулось Новгорода; что не одному князю приходилось блуждать между новгородскими озерами и болотами,

штаться кониной и сдирать кожу со щитовъ и, вмѣсто богатой добычи, возвращаться домой пѣшимъ и даже безъ доспѣховъ и вооруженія. Подъ покровомъ такой естественной защиты, новгородцамъ приходилось главнымъ образомъ заботиться о томъ, какъ-бы протянуть въ искусственныхъ переговорахъ зиму, когда со стороны непріятеля возможно было употребленіе разныхъ военныхъ силъ, какъ-бы прожить её «пролыгаясь», если говорить выразительнымъ лѣтописнымъ языкомъ: лѣтомъ же имъ нечего было бояться; лѣтомъ, во время разлива водъ, они жили «безъ опаса». Кромѣ того, новгородцамъ не нужно было посвящать столько труда искусственной оборонѣ своего города, сколько, напр., это выпадало на долю Пскова: въ то время какъ послѣдній, находясь среди небольшой области и по близости сильныхъ враговъ, естественно долженъ былъ заботиться объ укрѣпленіи средоточія своей жизни, строить и поправлять одну стѣну за другою (всѣхъ стѣнъ во Псковѣ въ XV-мъ столѣтіи было четыре); въ то время въ Великомъ Новгородѣ можно было ограничиться и меньшою тратой средствъ. До XIV-го столѣтія въ немъ существовала только одна стѣна, называвшаяся дѣтинцемъ, кромынмъ городомъ или кремлемъ; эта стѣна была передѣлана въ каменную, по всей вѣроятности, въ 1044-мъ году Ярославомъ, а затѣмъ въ 1116-мъ расширена Мстиславомъ. Но такъ какъ населеніе помѣщалось не въ дѣтинцѣ, кремлѣ, а кругомъ его, то и относительно послѣдняго приходилось принимать нѣкоторыя мѣры предосторожности. Поэтому новгородцы, заслышиавъ о приближеніи непріятеля, окружали весь городъ временными деревянными стѣнами, которая назывались острогомъ (стерегу) и служили защитой на первое время. По прошествіи опасности, эти стѣны забрасывались и выдвигались только тогда, когда снова начиналъ грозить непріятель. Но съ усиленіемъ, въ XIV-мъ столѣтіи, Москвы и Твери новгородцы должны были позаботиться и о болѣе прочныхъ укрѣпленіяхъ для своего города. Поэтому, въ началѣ XIV-го вѣка, именно въ 1302-мъ году, построена была каменная стѣна на Софійской сторонѣ, а затѣмъ, въ періодъ времени отъ 1331 до 1335 и на Торговой, начиная отъ церкви св. Иліи кругомъ до Борисоглѣбской. Около того же времени новгородцы сдѣлали болѣе обширный ровъ и валъ, въ 1333-мъ году кругомъ Софійской стороны, а въ 1387-мъ

сооруженъ бытъ валъ кругомъ Торговой. Съ течениемъ времени стѣны, вслѣдствіе неумѣнья строить прочно, нерѣдко приходилось передѣлывать; но вновь, кажется, не прибавлено ни одной, такъ что Новгородъ до конца своего существованія былъ защищенъ только двумя стѣнами и валомъ. Впрочемъ и въ этотъ періодъ, когда опасность была велика, прибѣгали къ временнымъ укрѣпленіямъ; строили деревянные остроги, только теперь уже, кажется, по валу; одѣвали въ деревянныя стѣны самую рѣку Волховъ, съ которой непріятелю удобно было нападать на городъ, и даже воздвигали стѣны чрезъ рѣку на судахъ.

Обязанность постройки укрѣпленій (городоставленія) въ древности считалась столь важною, что призывъ къ ней прерывалъ обыкновенное теченіе дѣлъ; лица, на которыхъ выпадала эта обязанность, освобождались отъ необходимости являться въ княжескій судъ, если бы они случайно подверглись послѣднему. Подъ вліяніемъ патріархальныхъ (родовыхъ) представленій о старшинствѣ главнаго города, метрополіи, эта обязанность падала главнымъ образомъ на жителей подвѣдомственной городу области и производилась пригономъ. Послѣдній состоялъ въ томъ, что изъ извѣстнаго числа жителей области, напр. пяти, одинъ, пятый, долженъ быть идти на постройку города, а другой, четвертый, снабжалъ его необходимыми на время постройки принадлежностями. Жители же самого города ограничивали свое участіе только назначеніемъ нарядчиковъ (распорядителей работами) отъ торговыхъ рядовъ. Не одни однако жители главнаго города, но и все вообще духовенство стремилось освободиться отъ обязанности городоставленія; хотѣло пользоваться защитой городскихъ стѣнъ, но не хотѣло соединиться съ чернью для постройки ихъ. Единственной формой, въ которой духовенство раздѣляло по временамъ тяготы городоставленія, было ссуженіе владыкой суммъ изъ софійской казны на сооруженіе стѣнъ, чѣмъ объясняется между прочимъ участіе и даже руководство владыки въ постройкахъ. И изъ городской казны дѣлались, вѣроятно, по временамъ ссуды на постройку города; по крайней мѣрѣ, въ городскихъ доходахъ была статья, специально предназначенная на расходы по городоставленію, именно денежныя пени за нарушенія грамотъ, выданныхъ городомъ. Понятно, что, при такихъ исключеніяхъ, повинность городоставленія не была

легкою обязанностью; даже въ позднѣйшее время, когда уже пали различные привилегіи, пригонъ, напр. по случаю постройки моста, возбуждалъ противъ себя жалобы.

Главный, старѣйшій городъ, созданный трудомъ преимущественно сельскихъ жителей, служилъ мѣстомъ прибѣжища для цѣлой земли, особенно во время большой войны. Тогда какъ сельское населеніе, такъ и обитатели другихъ менѣе значительныхъ городовъ, въ особенности бояре, устремлялись со своими пожитками въ главный городъ и обзаводились тамъ избами, которые продавались на торгу совсѣмъ готовыми. По минованіи опасности, всѣ пускались на прежнее мѣстожительство, захвативъ съ собой и приобрѣтенные избы, такъ какъ трудно было разсчитывать на то, что они найдутъ невредимыми свои старыя жилища. Впрочемъ, такое скопленіе земли въ главный городъ случалось, какъ выше замѣчено, только во время вторженія въ страну многочисленнаго непріятеля: а такие случаи были очень рѣдки. По болѣй же части приходилось имѣть дѣло съ какою-либо незначительною шайкой; въ такихъ обстоятельствахъ достаточную защиту для населенія представляли укрѣпленія, построенные въ разныхъ краяхъ земли. Первоначально, когда города (пригороды) не было въ странѣ, или же было очень мало, роль укрѣпленій играли осѣки, приводимыя въ оборонительное положеніе предъ наступленіемъ войны. Находясь временами въ лѣсу, они доставляли для жителей и ихъ имущества довольно безопасное мѣсто, ибо непріятелю трудно было даже узнать обѣ ихъ существованій. Но съ теченіемъ времени главную роль въ мѣстной оборонѣ страны начинаютъ играть пригорода. Если приглядѣться ближе къ распределенію пригородовъ по области, то нельзя не замѣтить въ немъ нѣкоторой правильности. Такъ, во Псковѣ пригороды не только по окраинамъ земли и образуютъ нѣкоторый кругъ, но и строятся въ тѣхъ мѣстностяхъ и тогда, гдѣ и когда возникаетъ опасность: сначала на западѣ противъ нѣмцевъ (Изборскъ, Гдовъ, Ко-былій), и на югѣ противъ Литвы (Коложе-Опочку, Велье, Вороночь, Красный, Вышгородъ), а затѣмъ въ XIV и XV-мъ столѣтіяхъ, и на востокѣ, противъ своего старшаго брата (Вревъ, Еотельный-Выборъ и Володимирецъ). Это правило соблюдалось и въ Великомъ Новгородѣ, и тамъ пригороды

располагались по границамъ; но такъ какъ новгородская земля была обширна, то однихъ пограничныхъ пригородовъ было недостаточно: нужно было еще сверхъ того построить нѣсколько городовъ по тѣмъ путямъ, которыми чаще всего проходилъ непріятель. Такъ, по шведскому пути были помѣщены пригороды: Тиверскій, Копорье, Орѣшекъ, Ладога; по нѣмецкому — Луга и Яма; по одному изъ литовскихъ, рѣкою Шелонью — Вышгородъ, Высокое, Порховъ и т. д. Постройка и поддержка пригородовъ ложилась опять-таки на сельское населеніе, которое заготовляло въ должномъ мѣстѣ необходимые для города запасы, лѣсъ и балки, поставляло людей для работы, съ той, конечно, волости, въ которой строился пригородъ, и платило деньги, когда при работѣ были употребляемы наемные мастера. Первымъ двѣ формы обязанности: заготовленіе снарядовъ и личное участіе въ работѣ, падали по преимуществу на низшій слой сельскаго населенія; послѣдняя же, плата денегъ, на высшій, на лицъ, обладавшихъ въ области землей, землевъ.

Таковы были средства оборонительной войны. Относительно же наступательной уже раньше было замѣчено, что, съ водвореніемъ большей осѣдлости за основаніе для несенія военной повинности была принята земля, такъ какъ съ осѣдлостью она стала главнѣйшей формой имущества. Вмѣстѣ съ тѣмъ водворилась и соразмѣрность военной повинности съ имущественнымъ положеніемъ населенія, подобно тому, какъ на Западѣ такая же соразмѣрность введена была военною реформою Карла Великаго. Нормою при распределеніи военной обязанности сдѣлалась соха, т.-е. пространство, которое могъ запахать владѣлецъ земли самъ-третей и на трехъ лошадяхъ. Смотря по мѣрѣ надобности, нѣсколько такихъ сохъ соединялось въ одно цѣлое, которое и ставило отъ себя коннаго ратника: въ опасныхъ случаяхъ цѣлое образовалось изъ четырехъ сохъ, слѣдовательно, конный ратникъ ставился примѣрно съ 12-ти человѣкъ; въ менѣе опасныхъ — изъ десяти сохъ, слѣдовательно, ратникъ брался съ тридцати обывателей. Но въ землѣ у однихъ былъ избытокъ, у другихъ же ея совсѣмъ не было. Къ числу послѣднихъ относились вообще менѣшіе люди, въ области — пѣши и бобыли, въ главномъ же городѣ — молодые люди. И тѣ и другіе, вслѣдствіе ихъ несостоя-

тельности, освобождались отъ набора въ конную, а входили въ составъ особой, пѣшой рати. Послѣдняя набиралась иѣсколько иначе: известное число меньшихъ людей, напримѣръ двое, покручало, т.-е. снабжало какъ военными, такъ и хозяйственными принадлежностями (на Западѣ: *adjutorium, conjectus*) третьаго, который и отправлялся въ войско. Бывали, однако, случаи, когда и меньшихъ людей, по крайней мѣрѣ городскихъ, заставляли идти въ конную рать; но, съ одной стороны, эти случаи были крайними, какъ напримѣръ, время послѣдней борьбы Новгорода съ Москвою; съ другой же — даже въ подобныхъ случаяхъ, особенно когда походъ затягивался, меньшіе люди не могли воздерживаться отъ жалобъ на разореніе ихъ доспѣхами и лошадьми. Изъ всего этого не трудно усмотрѣть, что хорошее исключеніе всегда только подтверждаетъ правило. Да и вообще все сельское населеніе, даже лица, сидѣвшія на участкахъ, рѣдко входили въ составъ конной рати, а образовали большею частью пѣшій контингентъ. Къ первому же разряду лицъ, обладавшихъ землею въ избыткѣ, принадлежали бояре. И если они, въ качествѣ горожанъ, и старались избавиться отъ обязанности городоставленія, за то собственно военная служба ложилась на нихъ большею тяжестью, сравнительно съ остальнымъ населеніемъ. Бояре не только должны были на свой счетъ являться на службу на конѣ и съ дружиною, числомъ пропорціонально количеству обладаемой ими земли, но еще и быть въ доспѣхахъ, броняхъ; въ послѣднемъ сходились съ ними развѣ одни только богатѣйшіе капиталисты. Рать, составленная изъ лучшихъ людей, служила для войска центромъ и обыкновенно занимала отдѣльное отъ остальной массы, пѣхоты, мѣсто.

Того, что сказано нами о боярахъ, никакъ нельзя распространять и на духовенство. Послѣднее было единственнымъ классомъ людей, которые стремились избавиться не только отъ обязанности городоставленія, но даже и отъ военной службы. На Западѣ церковь, исходя изъ божественного права, стала стремиться къ абсолютной свободѣ, т.-е. къ извѣтію отъ всѣхъ гражданскихъ обязанностей, въ то время весьма немногочисленныхъ; но она не отказалась, однако, отъ своихъ гражданскихъ правъ: духовенство хотѣло пользоваться защитою городскихъ стѣнъ и военной силы, не принимая со своей стороны участія

ни въ постройкѣ крѣпостей, ни въ доставлениі ратниковъ. Подобныя же стремленія духовенства къ абсолютной свободѣ замѣчаются и на Востокѣ, на Руси. И какъ на Западѣ церковь, для обоснованія своихъ претензій, ссыпалась преимущественно на Ветхій Завѣтъ, который понеясности могъ служить обильнымъ источникомъ для всякаго рода доказательствъ; такъ на Руси подобную же услугу оказывало греческое (византійское) церковное законодательство, номоканонъ: на номоканонъ ссыпалось псковское духовенство, когда требовало освобожденія своихъ земель отъ обязанности военной службы. Но въ Византіи духовенство никогда не было освобождаемо отъ обыкновенныхъ повинностей, а только пользовалось льготой отъ чрезвычайныхъ. Поэтому въ номоканонѣ не могло быть статей, которыя бы оправдывали претензію псковского духовенства; претензіи эти, следовательно, основывались не на византійскомъ законодательствѣ, а на ложномъ толкованіи послѣдняго на Руси. Однако, какъ на Западѣ идеаль, начертанный духовенствомъ, несмотря на энергическая анаематствованія, остался идеаломъ и не могъ овладѣть вполнѣ жизнью; такъ и на Руси абсолютная притязанія духовенства удавались не вполнѣ, хотя относительно Новгорода и Пскова и нѣтъ извѣстій о прямомъ привлечении духовенства къ военнымъ обязанностямъ. Тамъ встрѣчаемъ мы только посредствующую ступень, на которой то, что не признается обязанностью, исполняется, по крайней мѣрѣ, какъ даръ. Ибо, если духовенство и не считало себя обязаннымъ за свои земли военною службою, тѣмъ не менѣе оно принимало на себя эту обязанность добровольно. Такъ, подобно тому, какъ владыка дѣлалъ ссуды изъ софійской казны на постройку городскихъ стѣнъ, такъ точно, въ качествѣ богатѣйшаго землевладѣльца, онъ выставлялъ со своихъ земель особый полкъ, который, однако, зависѣлъ отъ владыки гораздо больше, чѣмъ отъ Великаго Новгорода: полкъ имѣлъ своего особаго начальника, особую инструкцію отъ владыки, опредѣлявшую съ кѣмъ сражаться, съ кѣмъ нѣтъ. Да и это добровольное принятие обязанности случалось рѣдко, въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда отечеству грозила серьезная опасность.

Кромѣ рати, составленной на основаніи рубежа, разрыва военной повинности и потому называемой рубленою, не-

маловажный элементъ въ составѣ древняго войска образовали нерубленые, охочіе люди, охочій человѣкъ. Это не былъ простой сборъ людей, которые на войнѣ не могли ничего потерять, а разсчитывать на пріобрѣтеніе кой-чего и могли; между охочими людьми было много и изможныхъ (состоятельныхъ), которые имѣли средства на снаряженіе себя даже для конной службы. Нужно также замѣтить, что въ охочіе люди шли не только жители той страны, въ которой происходила война; напротивъ, на мѣсто дѣйствія и изъ другихъ странъ обильно стремился горючій материалъ. Охочіе люди совершили обыкновенно свои походы на судахъ. Многоразличны названія, которыми характеризовались въ древности эти суда: лодь, лодья, лойва, насадъ, ушкуй (ускуй, оскуй, скуй—scapha, скѣфъ); послѣднее изъ этихъ судовъ ушкуй, равнозначительное, какъ кажется, съ насадомъ, вмѣщалъ въ себя примѣрно до 12 человѣкъ и былъ у охочихъ людей самымъ любимымъ: отъ этого судна и молодцы, предпринимавшіе отдаленные походы, носили имя ушкуйниковъ. Въ то время, когда война состояла изъ безконечныхъ мелкихъ стычекъ, такие не особенно значительные и удобоподвижные отряды были весьма полезны и новгородцы пользовались ими, главнымъ образомъ, въ отдѣльныхъ походахъ. Воеводѣ, назначенному въ походъ, стоило только кликнуть кличъ по городу и подъ его стягъ (знамя) со всѣхъ сторонъ начиналъ сбираться охочій человѣкъ, и шелъ то на сѣверъ, на непокорныхъ финновъ, то на западъ, на нѣмцевъ, то на юго-востокъ, на Москву.

Выше уже было замѣчено, что въ патріархальное время народъ, выступая въ походъ, сохранялъ свое значеніе и мирную организацію: собранія войска были вмѣстѣ съ тѣмъ народными вечами, представители племенъ и родовъ естественно переходили въ военачальниковъ. Отголоски этого быта были слышны еще долго въ теченіи исторической жизни. И послѣ войско по прежнему образовало вѣче, которое распоряжалось своею дѣятельностью въ качествѣ войска: опредѣляло, слѣдуетъ ли вступать въ битву и гдѣ именно, продолжать ли походъ или воротиться домой; судило точно также, какъ и народное собраніе; да и князья смотрѣли на войско, какъ на народное собраніе, и предоставляли ему разныя права, какъ народу. Вмѣстѣ съ тѣмъ

становится понятнымъ и то отсутствіе дисциплины, которымъ характеризуется древнее войско: такъ какъ вѣче нерѣдко не сходилось въ своихъ стремленіяхъ съ княземъ, то и войско, въ качествѣ вѣча, не считало себя обязаннѣмъ слѣдоватъ указаніямъ князя; временами даже образовывало отдѣльное отъ послѣдняго вѣче, точь-вѣ-точъ, какъ это случалось въ самомъ Новгородѣ. Однако къ концу рассматриваемаго времени понятія военнаго и народнаго собранія нѣсколько раздѣляются. Войско уже не беретъ на себя отвѣтственности за судъ надъ всѣми перебѣжчиками, а нѣкоторыхъ изъ нихъ доставляетъ въ народное собраніе. Послѣднее со своей стороны вмѣшиваются въ ходъ войны, отправлять въ войско распоряженія о возвращеніи назадъ, даетъ ему при выступлениі опредѣленную инструкцію, съ кѣмъ сражаться, съ кѣмъ нѣтъ. Еще значительнѣе были измѣненія въ военачальствованії. Хотя уже въ началѣ исторической жизни выработалась должность воеводы; тѣмъ не менѣе это были только одни зачатки, долго остававшіяся безъ всякаго развитія. Только въ концѣ рассматриваемаго периода замѣчается стремленіе, особенно во Псковѣ, придать военачальствованію нѣкоторую организацію: въ каждыи отдѣльный отрядъ тамъ сталъ назначаться особенный воевода, назначаться на вѣчѣ отъ концовъ, обыкновенно изъ посадниковъ и считался большимъ воеводою. Такъ какъ концовъ во Псковѣ въ XV-мъ столѣтіи было шесть, то обыкновенно назначалось шесть воеводъ, изъ которыхъ каждый предводительствовалъ двумя пригородными полками, составлявшими военные единицы: ибо пригородовъ во Псковѣ было 12 и каждый изъ нихъ выставлялъ особенный полкъ съ особынмъ значкомъ, стягомъ. Иногда, впрочемъ, отъ концовъ назначались и по два воеводы; тогда на долю каждого изъ нихъ выпадало только по одному полку. Но если были болѣе воеводы, то необходимо предположить меньшихъ; дѣйствительно, кромѣ воеводъ, выбранныхъ изъ посадниковъ, мы встрѣчаемъ еще воеводъ, назначенныхъ изъ дѣтей посадничихъ, бояръ и дѣтей боярскихъ, слѣдовательно меньшихъ. Они, очевидно, находились подъ вѣдѣніемъ большихъ воеводъ, ибо иначе пришлось бы признать множество совершенно независимыхъ воеводъ. Даже и между болѣеими воеводами существовало различіе: шести воеводамъ изъ посадниковъ придавался одинъ «что набольшой воево-

да», а двѣнадцати—двоє, изъ коихъ роль послѣдняго, конечно, могла принадлежать только одному; такимъ образомъ обыкновенно случалось, что большихъ воеводъ во Псковѣ было семь, или же четырнадцать. Главный воевода предположительно начальствовалъ собственно городскимъ полкомъ; неизвѣстно только, на этомъ ли одномъ основывалось его старшинство. Во всякомъ случаѣ, если даже не было прямого, отвлеченнаго, абстрактнаго подчиненія большихъ воеводъ главному, то нѣть сомнѣнія, что существовало подчиненіе косвенное, посредственное, основывавшееся на сравнительно большей величинѣ, на сравнительно лучшемъ вооруженіи отряда, предводительствуемаго первымъ воеводой, которымъ обыкновенно былъ степенный посадникъ. Подобное же замѣчаніе можетъ быть сдѣлано и относительно князя: и послѣдний непосредственно предводительствовалъ одною дружиной, которая въ походахъ и занимала отдѣльное мѣсто. Но начальство надъ дружиной давало ему право и на предводительство и надъ народнымъ войскомъ, въ чемъ онъ былъ лицомъ совершенно незамѣнимъ, такъ какъ боярина, назначенаго въ воеводы, не всѣ слушали. Князь со своей дружиной, образовавшей какъ бы военный классъ, долженъ былъ служить остальному войску примѣромъ: ему ставилось въ вину, когда онъ раньше другихъ оставлялъ мѣсто сраженія и тѣмъ причинялъ общее замѣшательство.

Войско выходило въ поле только на одинъ определенный походъ, и если послѣдній, по какимъ-либо причинамъ, затягивался, то въ войскѣ легко могъ подняться ропотъ, особенно со стороны меньшихъ людей, на которыхъ тяжесть войны ложилась гораздо обременительней. Размѣромъ предполагаемаго похода опредѣлялся, вѣроятно, и размѣръ захватываемаго съ собою продовольствія; больше же точнаго определенія, подобнаго напр. трехмѣсячному сроку, на который на Западѣ каждый долженъ былъ запасаться продовольствіемъ, не существовало. Вслѣдствіе недостатка продовольствія иногда все войско возвращалось вспять, иногда же только часть рати отпускалась домой; но обыкновенно изъ войска посыпались отдѣльные отряды въ зажитье, на фурражировку, какъ въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, такъ особенно въ непріятельскихъ; такие отряды назывались зажитниками. Если въ земляхъ своихъ союзниковъ позволялось брать

все, за исключениемъ «головъ» (скота?), то легко представить себѣ поэтому зажитье въ непріятельской землѣ. Продовольствіе, захватываемое съ собою войскомъ, помѣщалось вмѣстѣ съ военными принадлежностями: оружіемъ, шатрами, стѣнобитными орудіями, въ обозѣ, называвшемся въ древности товарами. При остановкахъ войска не было въ обычай дѣлать укрѣпленныхъ лагерей; даже въ битвахъ не прибѣгали къ какимъ-либо укрѣпленіямъ на мѣстѣ сраженія, съ тѣмъ развѣ исключениемъ, что на юго-востокѣ изрѣдка встрѣчается попытка обороны отъ враговъ съ плетнемъ или засѣками, стремленіе обострожиться и охабиться отъ непріятеля. Даже самый обозъ, товары, не получалъ обычно военного назначенія: дѣло считалось потеряннымъ, когда врагъ досѣкался до товаровъ. И хотя византійскіе писатели и говорятъ объ умѣніи славянъ превращать свой обозъ въ укрѣпленный лагерь, дѣлать укрѣпленія изъ телъгъ, составляющихъ обозъ, тѣмъ не менѣе такой городъ въ колѣхъ, Wagengburg, на Руси употреблялся чрезвычайно рѣдко, только на югѣ, гдѣ и былъ прототипомъ обыкновенного впослѣдствіи малороссийскаго лагеря.

Русскому народу, раскинутому на большомъ пространствѣ и помѣщенному на рубежѣ Европы съ Азіею, естественно приходилось сталкиваться и мѣряться своими силами съ разными со-сѣдями, представлявшими одинъ отъ другого весьма значительные отличія. Поэтому нельзя не ожидать, что характеръ войны и строй войска получать въ разныхъ краяхъ Руси особенный отпечатокъ. Существовали собственно два главныхъ оттѣнка въ характерѣ веденія войны: юго - восточный и сѣверо - западный, новгородскій. Юго-восточный развился подъ вліяніемъ постоянныхъ столкновеній съ восточными кочевыми народами, въ особенности половцами и татарами. Отличительную черту восточного способа веденія войны составляетъ выработка битвы издали, поэтому необходимыми принадлежностями восточного войска были обыкновенно лукъ и стрѣла; поэтому кочевые народы мало заботились и о военномъ строѣ въ битвѣ: войско дѣствуетъ у нихъ обыкновенно конною толпою. Вся сила такого способа борьбы заключается въ томъ, чтобы помошію тучи стрѣлъ, которая въ древности описывали такую же услугу, какъ нынѣ ружье, привести непріятеля въ смятеніе, а затѣмъ воспользова-

ваться вознившимъ замѣшательствомъ. Такимъ образомъ, отличительная тактика восточныхъ народовъ относительно непріятеля можетъ быть сведена къ слѣдующему выразительному правилу: бѣги, или я самъ побѣгъ. Восточная тактика усвоивалась тѣми народами, которымъ приходилось имѣть столкновенія съ кочевыми народами; слѣды ея замѣщаются не только въ юго-восточной половинѣ Руси, но и въ Польшѣ. Въ послѣдней лукъ и стрѣла служили самымъ обыкновеннымъ и выгоднымъ оружиемъ; но въ славянамъ, жившимъ за Польшею, это оружіе не проникало. На Руси же вліяніе восточной тактики выразилось съ одной стороны вербовкой въ русское войско восточныхъ народовъ: торковъ, берендеевъ, коуевъ, половцевъ, татаръ, которые образовали въ войску особенный отдельный стрѣлковъ, съ другой же, сформированіемъ подобныхъ отрядовъ и изъ русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ строѣ войска во время битвы явилось новое усложненіе: временами къ пяти прежнимъ полкамъ стала присоединяться шестой, составленный изъ стрѣлковъ. Такимъ образомъ, съ конца XII-го столѣтія, полный военный строй представлялъ два отдельныхъ и имѣлъ слѣдующій видъ: въ первомъ или главномъ ряду находились въ срединѣ большой полкъ, а по бокамъ правое и лѣвое крыло; во второмъ, переднемъ, ряду—предовой и сторожевой полки и стрѣлки; неизвѣстно только, какъ размѣщались полки второго ряда одинъ относительно другого.

Но русскому сѣверо-западу приходилось сталкиваться съ иными врагами, нѣмцами и литовцами, мало пользовавшимися стрѣлками и нерѣдко заимствовавшими ихъ отъ русскихъ, но за то выработавшими иной способъ веденія войны, который имѣлъ цѣлью успѣшишійше дѣйствіе противъ непріятеля вблизи и который, сравнительно съ предыдущимъ, восточнымъ, можетъ быть названъ европейскимъ. Не трудно убѣдиться въ этомъ, если взглянуть бѣгло на преобладающій у литовцевъ и нѣмцевъ военный строй. Литовская фаланга, состоявшая въ томъ, что воины, вооруженные копьями, становились въ три ряда и закрывались щитами, образуя такимъ манеромъ подвижную стѣну, показываетъ ясно, какая цѣль имѣлась въ виду при такомъ устройствѣ. Еще болѣе говорить за то же нѣмецкая фаланга, извѣстная подъ именемъ свиньи, великой свиньи (*swinifylking, caput porcinum, acies caneiformis*). Образованный

по формѣ головы свиньи, считавшейся въ миѳологической древности за храброе и благородное животное, строй этотъ представлялъ треугольникъ или клинъ, который обыкновенно состоялъ изъ тяжело-вооруженныхъ ратниковъ или изъ такъ-называемаго на Руси желѣзного полка. Увѣренность нѣмцевъ въ своемъ строѣ и въ соотвѣтствіи его ихъ национальнымъ особенностямъ была столь велика, что они обращали мало вниманія на другія средства битвы: и дѣйствительно, первый напискъ свиньи былъ, въ большей части случаевъ, непреодолимъ. Византійскіе писатели говорятъ, будто-бы и славяне также умѣли пользоваться клинообразнымъ строемъ; но на Руси неизвѣстно ни одного случая употребленія этого строя, а всѣ усиія были обращены только на успѣшнѣйшее отраженіе его, въ случаѣ столкновенія съ нѣмцами. Можно съ нѣкоторою вѣроятностью предположить, что, для отраженія свиньи, господствующій на Руси способъ распределенія войска на три или на пять полковъ былъ измѣняемъ въ противоположную клину фигуру, фигуру, которая у римлянъ называлась пяткомъ (V), а также ножницами и клещами: этимъ путемъ достигалась возможность охватить и уничтожить свинью. Но преобладающій характеръ европейскаго военного строя у народовъ, съ которыми приходилось сталкиваться новгородцамъ, препятствовалъ послѣднимъ развить у себя бой издали; въ то время какъ въ юго-восточной Руси стрѣлки входили во всеобщее употребленіе, новгородцы, по своей отдаленности и обособленности, не знали стрѣлковъ, не умѣли защищаться отъ ихъ дѣйствія и оставались при двойномъ составѣ войска, изъ конницы и пѣхоты.

Конница, носившая въ древности название коневниковъ, конниковъ, коневой, конной рати, составляла главный элементъ въ древнемъ войсѣ. Отличительными принадлежностями ея были длинное копье и доспѣхъ или броня (на Западѣ—*bruniae*), отчего конная рать называлась также доспѣшною, желѣзною и кованою ратью. Весьма вѣроятно, что употребленіе металлическихъ доспѣховъ, которые своимъ блескомъ лъстили новгородскому самолюбію, да и обитателямъ юго-востока внушали уваженіе, особенно развилось въ Новгородѣ подъ вліяніемъ нѣмцевъ, у которыхъ обычно было заковываніе ратниковъ въ металль, тогда какъ у славянъ панцырь не считался необходи-

мою принадлежностью воина: одну изъ отличительныхъ черть польского воина отъ нѣмецкаго составляло въ древности отсутствие доспеховъ у первого. Второй, вспомогательный, элементъ новгородскаго войска, пѣхота, носиль въ древности название пѣщцевъ, пѣщицы, пѣшихъ, пѣшай рати и принадлежалъ къ разряду легко вооруженной силы. Оборонительнымъ оружіемъ пѣхоты было щитъ, а наступательнымъ, между прочимъ, короткое копье, дротикъ, называвшееся сулицей или совней (отъ сути и совати). Всльдствіе изобилія разныхъ водъ и неудобства путей сообщенія, пѣшая рать въ древности обыкновенно садилась на суда, почему нерѣдко называлась судовою. При встрѣчѣ съ непріятелемъ, войско выходило изъ насадовъ и вступало съ нимъ въ битву на сушѣ; однако временами случалось, что бой происходилъ и на водѣ, именно когда непріятель не допускалъ до переправы: морскія битвы въ древности давались на рѣкахъ. На югѣ устройствомъ судовой рати прославился Изяславъ II: онъ сдѣлалъ крытыя лодки, на носу и кормѣ которыхъ поставилъ по особенному кормчему, такъ что суда могли двигаться взадъ и впередъ не поворачиваясь; гребцы находились подъ палубой, всльдствіе чего видны были только одни весла, а воины, одѣтые въ доспѣхи, стояли на верху и стрѣляли. Конница и пѣхота образовывали у новгородцевъ въ болѣшѣ части стычекъ два подраздѣленія, на которыхъ войско естественно распадалось и которыми обыкновенно располагалось; притомъ таѣ, что конница и пѣхота, если онѣ только не дѣйствовали совершенно независимо, занимали отдѣльныя, иногда весьма отдаленные другъ отъ друга мѣста.

Двумъ русскимъ способамъ веденія войны, юго-восточному и съверо-западному, приходилось не только существовать и развиваться боѣ-о-боѣ, но и подвергаться неоднократнымъ столкновеніямъ другъ съ другомъ. Въ древнѣйшее время, когда новгородцы не только откупали свою вольность деньгами, но и готовы были платить за нее въ случаѣ надобности и собственною жизнью, они умѣли съ честью выходить изъ столкновеній съ юго-восточными стрѣлковыми строемъ. Главный недостатокъ новгородскаго войска состоялъ въ неумѣнїи биться издали, въ отсутствии стрѣлковъ, въ непривычкѣ выносить напоръ послѣднихъ, непривычкѣ, которая лишала новгородскую конницу всякаго зна-

ченія; лишь только стрѣлки, не пытаясь действовать вотще противъ самихъ новгородцевъ, облеченныхъ въ металлические доспѣхи, пускали по нѣскольку стрѣль въ лошадей, въ войскѣ тотчасъ же происходилъ страшный безпорядокъ: лошади начинали бѣситься; всадники, не умѣя управляться съ своими длинными копьями, валились подъ нихъ, а затѣмъ наступало всеобщее бѣгство. Въ древнѣйшее время они помогали своему горю тѣмъ, что конница передъ битвой обыкновенно спѣшивалась и пускалась въ рукопашную, т.-е. придавала сраженію тотъ характеръ, который былъ болѣе выгоденъ для новгородцевъ. Эта способъ битвы, встрѣчающійся и въ другихъ краяхъ Руси, долженъ быть сочтенъ, кажется, за специфически русскій бой, о которомъ иногда упоминаютъ источники. Понятно поэтому, что самыя славныя побѣды, одержанныя новгородцами въ теченіе своей исторической жизни и остававшіяся долго въ народной памяти: побѣды Колакшинская (1096 года) и Липицкая (1216 года), были добыты не на коняхъ, а пѣшими: тогда новгородцы не только сходили съ лошадей, но даже сбрасывали съ себя верхнее платье и сапоги. Но въ дальнѣйшемъ теченіи своей исторіи новгородцы привыкли отдѣльваться отъ непріятелей деньгами, да сверхъ того, вслѣдствіе увеличенія въ массахъ войскѣ, должны были въ опасныхъ случаяхъ вербовать въ конницу не однихъ только землевладѣльцевъ, но и меньшихъ людей, которые обыкновенно шли въ пѣшую рать; короче, должны были принимать въ конницу лицъ, которые отродясь на лошади не бывали, плотниковъ и гончаровъ. У такой конницы не только не было прежняго одушевленія и храбости, стремленія ударить въ рукопашную, но даже и желанія выносить походъ, если только онъ затягивался. Поэтому понятно, что пораженіе конницы было естественнымъ удѣломъ въ случаѣ столкновенія съ юго-восточнымъ строемъ: пораженія конной рати въ позднѣйшее время приготовили и паденіе Великаго Новгорода.

Битва, называвшаяся въ древности ступомъ, сступленіемъ, соймомъ, снятіемъ, совкупомъ и т. д., считалась, какъ и поединокъ, судомъ божіимъ, почему и замѣнялась нерѣдко поединкомъ предводителей или богатырей: вспомнимъ о борьбѣ Мстислава съ Редедей, о поединкѣ отрока съ печенѣгомъ. Но съ теченіемъ времени, поединки вышли изъ употребленія и усту-

или мѣсто битвѣ. Послѣдняя обыкновенно открывалась не прямо по встрѣтѣ противниковъ; враждебныя войска долго медлили, иногда по нѣсколько дней, даже по нѣсколько недѣль, особенно если ихъ раздѣляла рѣка, и старались вывести другъ друга изъ терпѣнія бранью. Предметомъ браны обыкновенно служили какъ физическая, такъ и нравственная особенности борющихся, равно какъ и особы предводителя. Такъ, съ одной стороны поляки, при столкновеніи съ русскими въ 1249 году, подразнивали послѣднихъ, говоря: «ударимъ на большія бороды»; съ другой—кіевляне въ борьбѣ съ новгородцами въ 1016 году брали послѣднихъ «плотниками» и грозили заставить ихъ рубить для себя хоромы: въ новгородскомъ войскѣ ремесленниковъ было не мало. Особа предводителя давала также не малый просторъ для остроумія; такъ, въ 1018 году воевода Ярослава Буды задѣль Болеслава польского, сказавши: «мы проткнемъ тебѣ твое толстое чрево трѣскою» (палкою, не оружіемъ даже!); такъ, Ярослава новгородскаго кіевляне называли въ насмѣшку «хромцомъ», указывая тѣмъ на негодность его къ военному дѣлу. Не всегда однако перебранка эта совершилась въ такой благообразной формѣ; предъ Шелонской битвой новгородцы издѣвались, кажется, очень рѣзко надъ московскими воеводами и надъ самимъ великимъ княземъ: ибо лѣтописецъ противоположнаго лагеря говоритъ, что они «какъ псы лаяли». Въ этой умственной перестрѣлѣ какая-либо изъ воюющихъ сторонъ задѣвалась такъ мѣтко, что считала позоромъ оставаться въ дальнѣйшемъ бездѣйствіи. Предварительный бой на юго-востокѣ открывался обыкновенно стрѣлками; на сѣверо-западѣ же, гдѣ стрѣлковъ не знали, бой начинался сторожевымъ полкомъ. Иногда дѣло тѣмъ и кончалось и обѣ рати расходились. Но обыкновенно за первыми столкновеніями наступала настоящая битва, схватывались между собою главныя силы. Борьба шла по преимуществу въ рукопашную; борцы даже брали другъ друга за руки. Сначала вступала въ свалку пѣшая рать, пролагавшая себѣ дорогу тяжелыми метательными орудіями, остроконечными молотами (кіями) и топорами (streitaxt), и приводившая этимъ путемъ непріятеля въ смятеніе еще до столкновенія; за нею слѣдовали князья съ конными полками и дружиными, врѣзывались нѣсколько разъ въ ряды непріятеле-

лей, пока не досъкались товаровъ; считая дѣло проиграннымъ, противникъ тогда «вдавалъ, показывалъ плечи», т.-е. обращался въ бѣгство. Для послѣднаго каждое пораженіе должно было, по характеру древней войны, близко граничить съ абсолютнымъ пораженіемъ; ибо древне-русское войско, будучи стремительнымъ въ наступлѣніи, не умѣло менять послѣднаго на оборону, не умѣло пользоваться лагеремъ, подъ которымъ бы смыло можно было вступать въ бой, въ надеждѣ скрыться въ него, какъ въ вѣрную крѣпость, въ случаѣ если-бы постигла неудача. Однако этого никогда не случалось, потому что побѣдители скоро забывали о непріятелѣ, бросались грабить обозъ и иногда начинали драться между собою изъ-за добычи, особенно когда въ походѣ участвовало нѣсколько союзниковъ. Пользуясь этой слабостью, нѣмцы иногда выходили невредимыми изъ затруднительнаго положенія: если столкновеніе съ русскимъ войскомъ не обѣщало ничего хорошаго, они выставляли впередъ обозъ, который русскіе и бросались грабить, а сами тѣмъ временемъ спѣшили убраться восвояси. Не всѣ, впрочемъ, русскіе были одинаково падки на грабежъ обоза: лѣтописецъ отличаетъ смѣнаніе, предававшихся при первой возможности грабежу, отъ новгородцевъ, неуклонно продолжавшихъ бой до конца. Пріобрѣтенію побѣды много содѣйствовали военные хитрости, устройство подсадъ, засадъ, употребленіе западной рати, полка: при помощи этихъ средствъ не рѣдко и съ слабѣшими силами удавалось одерживать побѣды. Побѣдители, на древнемъ языке, становились «на костѣхъ» и ударяли въ трубы.

Битвѣ въ чистомъ полѣ соотвѣтствовало взятие городовъ (крѣпостей) приступомъ. Взятие приступомъ, называемое въ древности взятиемъ на копье, копьемъ, открывалось пальбой изъ луковъ и нарековъ, пороковъ (прати). Посредствомъ первыхъ старались затруднить дѣятельность осажденныхъ, которые защищались съ городскихъ стѣнъ также пороками и стрѣлами, да сверхъ того каменьемъ, володами, горячей водой и тому подобнымъ: пальба изъ луковъ мѣшала имъ выходить изъ-за забороль, за которыми они обыкновенно скрывались. Пороки же принадлежали къ разряду метательныхъ машинъ, и камни, брошенные этими машинами, достигали иногда столь значительной величины, что одинъ камень едва поднимали четыре, да и то

сильныхъ человѣка; но дѣйствіе пороковъ не всегда могло быть успѣшнымъ: въ случаѣ противнаго вѣтра бросаемые ими камни не достигали своего назначенія и обращались на самихъ осаждающихъ. Пороки обыкновенно заготовлялись предъ начатіемъ войны, въ Новгородѣ на владычнemъ дворѣ, и возились въ товарахъ, въ сопровожденіи прбочнаго мастера. Дѣятельность пороковъ обращена была главнымъ образомъ на городскія стѣны, на людей же только временами; посредствомъ ихъ старались разбить крѣпостныя стѣны или, по крайней мѣрѣ, сбить съ города заборола и такимъ образомъ лишить осажденныхъ возможности прикрытия. Вообще прбоки собственно только расчищали дорогу для наступающаго приступа, который производился съ помощью примета. Приметь было не иное чѣ, какъ масса бревенъ и соломы или же лѣса, воздвигнутые кругомъ осажденнаго города, и имѣлъ двоякое назначеніе. Онъ служилъ или массою горючаго материала, посредствомъ которой старались зажечь городъ: на древнемъ языке это обозначалось словами: зажечь городъ приметомъ; или же мостомъ, по которому осаждающіе взирались на городскія стѣны. Взятие городовъ приступомъ случалось впрочемъ рѣдко, особенно въ позднѣйшее время, когда значительно ослабѣла страсть къ войнѣ, когда увидали, что приступить не обходится дешево, что при немъ «головы станутъ падать съ обѣихъ сторонъ». Поэтому стали отдавать предпочтеніе пассивной осадѣ городовъ, которая называлась остоемъ, стояніемъ, облежаніемъ, и заключалась въ томъ, что непріятель, окруживъ городъ и выжегши окрестности (посады), не допускалъ въ городъ сѣстныхъ припасовъ, не позволяя осажденнымъ выходить въ зажитъе и старался лишить ихъ воды. Осаждающіе «стояли стоянью» около города въ ожиданіи того времени, когда осажденные явятся къ нимъ съ челобитьемъ; послѣдніе же сидѣли въ городѣ въ надеждѣ, что врагъ постоитъ-постоитъ, да и пойдетъ прочь, заключивши миръ по старинѣ. Но какъ бы непріятель ни овладѣвалъ городомъ, посредствомъ ли приступа, или же облежанія, за овладѣваніемъ обыкновенно слѣдовало, особенно въ древнѣйшее время, взятие на щитъ, т.-е., обращеніе въ пользу побѣдителя городскаго имущества, равно какъ и пѣненіе, порабощеніе населенія, особенно женщинъ и дѣтей: мужчинъ же временами не брали на щитъ, а

предавали избієнію. Нерѣдко взятіе на щитъ касалось не одного только города, но и распространялось на цѣлую область. Для избѣжанія подобной участіи, осажденные не ожидали исхода осады, а сдавались добровольно, стараясь только выговорить въ предварительныхъ условіяхъ, чтобы непріятель не бралъ ихъ на щитъ; съ этою цѣлію они давали послѣднему откупъ, напр. драгоцѣнными металлами. Вообще взятіе на щитъ въ военномъ быту было тѣмъ же самымъ, что въ гражданскомъ—потокъ и разграбленіе, поэтому взятіе, дача на щитъ встрѣчалось и въ послѣдней области; имущество бояръ въ Новгородѣ, напримѣръ, отдавалось иногда на щитъ въ собственность остальныхъ горожанъ.

Условія, при которыхъ приходилось въ древности вести войну, вообще не благопріятствовали ни большимъ битвамъ, ни приступамъ. Съ одной стороны дурное состояніе путей сообщенія, съ другой трудность добывать продовольствіе, препятствовали собирать значительныя массы войскъ, которые поестественному были немногочисленны; псковичи при сильномъ наборѣ выставляли въ XV-мъ столѣтіи только 10 тысячъ ратниковъ; новгородцы въ послѣднія критическія минуты своего существованія имѣли въ полѣ 30—40 тысячъ, а обыкновенное количество войскъ колебалось между 5 и 20 тысячами. Поэтому война ограничивалась большою частію мелкими стычками, и имѣла главнѣйшую цѣлью разореніе непріятельской земли: старались опустошить какъ можно болѣе пространство враждебной области, побывать тамъ, где не бывали ни отцы, ни дѣды, и притомъ въ данныхъ предѣлахъ совершенно опустошить страну. Опустошить полосу земли, длиною верстъ въ триста, а шириной пятьдесятъ, или же разорить до восьмидесяти волостей, тогда было ни почемъ. Князья, заходившіе съ огнемъ и мечемъ глубоко въ непріятельскую землю, пользовались особенной славой въ отдаленномъ потомствѣ: какъ на югѣ Данилу ставилось въ особенную честь, что онъ первый воевалъ Чешскую землю, такъ на сѣверо-западѣ отважностью и удаленностью походовъ славились князья Довмонтъ и Давидъ (XIII и XIV вѣковъ). Относительно окончательности опустошения непріятельской земли стоять только припомнить обширный словарь именъ, обозначавшихъ обыкновенный актъ опустошения: тереть, терять, истратить, потравить,

положить пусту, выжечь землю, волость, села, обилье. Выжечь селения, погубить хлѣбъ, а скота не оставить «ни рога», ни «курицы», составляло славу похода; въ противномъ же случаѣ, когда не удавалось погулять въ непріятельской землѣ, походъ возбуждалъ насыпки какъ со стороны своихъ, такъ и противниковъ: говорили, что рати ничего не удалось взять, развѣ только «земли коньтомъ», что, вмѣсто непріятельского города, «едва взяли пѣшкомъ свои собственные дома», т.-е. едва возвратились домой. Съ цѣлью полнѣйшаго опустошенія непріятельской земли, войско нерѣдко пускалось «въ разгонъ», т.-е. раздѣлялось на мелкіе отдѣльные отряды, разорявшиѣ страну по разнымъ направленіямъ и нерѣдко подвергавшіеся печальной участіи; особенною дѣятельностью при этомъ отличались охочіе люди, изъ которыхъ то и дѣло что составлялись новые и новые отряды и вторгались въ вражескіе предѣлы. Кроме того, вслѣдъ за войскомъ, въ непріятельскую страну стекались съ порубежныхъ мѣстъ всѣ тѣ, которыхъ соблазняль грабежъ, и которые доказывали то, что начато было войскомъ.

Если уже между отдѣльными частями Руси взаимная ненависть достигала иногда значительныхъ размѣровъ; если новгородцы, памятуя разореніе Торжка тверичами, шли въ 1375 году подъ Тверь «скрещюще зубы своими на тверичъ»: то нѣтъ ничего удивительного въ томъ, что эта ненависть разыгрывалась особенно тогда, когда вражда обусловливалаась національными и религіозными различіями. Религіозный отпечатокъ ярко выступаетъ въ борьбѣ русскаго съверо-запада съ нѣмцами и шведами, борьбѣ, отголоски которой раздаются и по настоящее время. Послѣдніе, утвердившись на восточныхъ берегахъ Балтийскаго моря, начали тѣснить оттуда русскихъ и сопровождали свое движение на востокъ не только христіанизированіемъ языческихъ финновъ, но и крестовыми походами противъ самихъ русскихъ. Если на Руси и не находилось охотниковъ вступать въ теоретическія пренія о вѣрѣ съ рьяными свѣйскими философами; если послѣднимъ и предлагалось въ подобныхъ случаяхъѣхать въ Константинополь для состязанія съ патріархомъ, котораго считали за лучшаго судью въ дѣлѣ о преимуществахъ вѣроисповѣданій; за то русскіе практически очень усердно защищали свою религію, свою землю. Борьба съ нѣмцами и шведами по-

лучила преимущественное значение стоянія за домом св. Софы и св. Троицы. Въ битвахъ съ ними псковичи обыкновенно взывали къ лицамъ, особенно содѣйствовавшимъ самостоятельности Пскова, обращались къ Всеволоду-Гаврілу и Довмонту-Тимоѳею; у нихъ образовалась даже особенная стереотипная фраза для возбужденія къ ревностному стоянію за отчество: «братья-мужи псковичи, кто старъ, то отецъ, а кто младъ, той братъ, потягните за св. Троицу». Самое выступленіе въ походъ совершилось иногда съ особеною религиозною церемоніальностью. Такъ Довмонтъ, предъ отправлениемъ въ походъ на нѣмцевъ, вошелъ въ храмъ св. Троицы, снялъ свой мечъ и положилъ предъ алтаремъ; затѣмъ совершилъ молитву, послѣ которой игуменъ съ священнымъ чиномъ опоясалъ его мечемъ и благословилъ въ путь. Въ этой борьбѣ тягчайшая масса золъ обрушилась не на голову одного изъ противниковъ, а на третью лицо, помѣщенное между ними, на финновъ. При своемъ распространеніи по восточной Европѣ, и русские и нѣмцы успѣли подчинить своей власти нѣкоторыя части финского племени и стремились, каждый за себя, распространить это господство и на остальные. Вслѣдствіе такого положенія между двумя могущественными сосѣдами, финнамъ приходилось колебаться между ними, нерѣдко прибѣгать къ перевѣту, къ измѣнѣ; но измѣна только ухудшала ихъ дѣла. Съ одной стороны ихъ нисколько не щадили противники въ ихъ взаимныхъ войнахъ: въ одномъ случаѣ цѣлая пещера съ финнами была затоплена русскими, а въ другомъ зажжены островы, откуда финнамъ пришлось бѣжать съ горящими волосами; съ другой же стороны, и мѣры, которыми хотѣли искоренить между финнами измѣну, принадлежали къ числу самыхъ радикальныхъ: въ договорѣ новгородцевъ со шведами 1340 года положено было, и той и другой сторонѣ избивать и вѣшать финновъ, въ случаѣ ихъ передачи. При такихъ обстоятельствахъ исчезновеніе финновъ съ лица земли было явленіемъ совершенно естественнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, было что-то роковое въ судьбѣ племени, противъ которого одинъ изъ новгородскихъ князей хотѣлъ послать войско, приведенное съ Низу на нѣмцевъ, на томъ единственномъ основаніи, что войску нужно же гдѣ-либо поживиться: если не у нѣмцевъ, которые успѣли уже примириться, то по крайней мѣрѣ у Корѣлъ!

Измѣненія, совершившіяся въ XV и XVI-мъ столѣтіяхъ въ культурномъ и политическомъ состояніи древней Руси, отодвинули прежнія военные силы на второй планъ. Еще во время послѣдняго вѣка самостоятельного существованія Новгорода и Пскова, подвергавшихся постоянному воздействию со стороны немцевъ, замѣчается тамъ сѣды употребленія огнестрѣльного оружія. Какъ при защитѣ городовъ, такъ и при осадѣ ихъ, наряду съ прежними машинами, стали появляться пушки, называвшіяся также пусками, пускочами, пущичами (пускать): на новгородскихъ стѣнахъ было, напр., пять пушекъ. Заготовленіе пушекъ и пороху (зелья), подобно заготовленію военныхъ судовъ, принималъ на себя главный городъ: во Псковѣ, наприм., каждый городской конецъ имѣлъ свой особенный пороховой складъ при какомъ-либо храмѣ. Однако, хотя при осадахъ городовъ и старались обыкновенно запасаться пушками, тѣмъ не менѣе, по неумѣнью обращаться съ ними, пушки не приносили особенной пользы: при стрѣланіи иногда разрывало станокъ и связи. Въ чистомъ же полѣ пушекъ совсѣмъ не употреблялось: новгородцы защищали послѣдніе остатки своей свободы не артиллерией, а по прежнему, конною и пѣшею ратью; да и москвичи подчинили ихъ своей власти не пушками, а известными уже намъ военными средствами, стрѣлками и засадою. Только съ возвращеніемъ въ Новгородъ и Псковъ московского владычества получаетъ значеніе и огнестрѣльное оружіе; тогда изъ составныхъ частей войска выдаются на первый планъ нарядъ и пищальники. Нарядъ былъ не иное что, какъ артиллерия, а пищальниками назывался особенный отрядъ войска, отличительнымъ оружіемъ второго была пищаль: во Псковѣ этотъ отрядъ простирался до тысячи человѣкъ и дѣлился на сотни, подвѣдомственные сотникамъ. Прежняя же военная сила, получившая вмѣсто старого имени рубленой рати название посохи, отодвинулась на второй планъ. Будучи разнообразнымъ, назначеніе ея, въ болѣшей части случаевъ, оставалось служебнымъ: посоху заставили тянуть суда, мостить мосты, сбирать зеленую руду, наблюдать за нарядомъ, нести приметъ и только иногда водили на приступъ.

Но измѣненіе въ характерѣ военной силы необходимо вызывало и перемѣну въ распределеніи военной обязанности по

населенію. Два главныхъ вида военной обязанности, служба въ пищальникахъ и въ посохѣ, были разложены по населенію такъ, что первая служба падала на горожанъ, вторая же, посоха, на сельскихъ жителей. Просоха была явленіемъ старымъ, обычнымъ, а потому и не возбуждала особенного неудовольствія: и прежде съ известнаго числа сохъ ставился конный человѣкъ; разница заключается развѣ въ томъ, что теперь, какъ посохи нерѣдко шли подъ нарядъ, конный человѣкъ становился чаще съ телѣгой. Подобно тому, какъ прежде пріютомъ для охотчаго человѣка служила пѣшая, судовая рать; такъ и теперь такой же пріютъ доставляла ему просоха, съ тѣмъ только различіемъ, что теперь охотчій человѣкъ не руководился, при поступлѣніи въ войско, одною только надеждою на добычу въ войнѣ, а поступалъ въ просоху за известную плату, которую получалъ отъ лицъ, желавшихъ избавиться отъ службы. Плата охотникамъ, если не говорить о колебаніяхъ, зависѣвшихъ отъ естественнаго хода вещей, была различна, смотря по роду посохи, въ которую нанимался охотникъ. Такъ, плата конному охотнику простиралась, напр., отъ трехъ до пяти рублей въ мѣсяцъ, а пѣшему составляла около двухъ въ тотъ же срокъ. Больше отяготительна была служба въ пищальникахъ, падавшая на города: на 500 пищальниковъ, выставленныхъ псковичами для похода 1535 года, потребовалось 3000 подводъ съ 3000 четвертей овсяной засыпки, 3000 полтей свинины, 3000 четвертей солоду и т. д. Временами города должны были нанимать отъ себя и просоху, что, при частомъ повтореніи, доводило ихъ до совершенного обнищанія: денегъ для найма охотниковъ не стало, а потому невольно приходилось горожанамъ самимъ идти въ просоху и гибнуть въ ея рядахъ отъ холода, голода и работы.

Увеличеніе въ размѣрѣ военныхъ силъ, вызванное трудными войнами XVI-го столѣтія, естественно влекло за собой и уничтоженіе всѣхъ изъятій, какія существовали до этого времени. Прежде, въ периодъ самостоятельной мѣстной жизни, жители главнаго города пользовались свободой отъ городоставленія, а духовенство стремилось, и не рѣдко успѣвало, освободиться не только отъ обязанности строить города, но даже и отъ набора рекрутъ съ ихъ земель. Но въ XVI-мъ вѣкѣ новгородскіе горожане (псковичи же и раньше всегда принимали участіе въ постройкѣ

своего города) и духовенство Новгорода и Пскова потеряли всѣ свои преимущества. Въ 1517 году псковское духовенство должно было принять участіе въ поправкѣ крома на ряду съ остальными жителями Пскова, должно было возить камень, необходимый для работы. Въ 1534 году тоже явленіе повторилось и на Новгородѣ, гдѣ постройка сгорѣвшаго города была разложена по всѣмъ горожанамъ, въ числѣ которыхъ были отнесены новгородскій владыка и духовенство. Подобное же измѣненіе случилось и въ другой отрасли военной обязанности, въ наборѣ рекрутъ. Въ 1518 году къ участію въ полоцкомъ походѣ было призвано и псковское духовенство: оно должно было поставить коней и телѣги для провоза наряда, иначе принять участіе въ посохѣ. Но увеличеніе въ размѣрѣ военныхъ силъ и новизна въ распределеніи военныхъ повинностей вызвала громкія жалобы противъ правительства. Горожане жаловались на тягость обязанности поставлять пищальниковъ, на обнищаніе отъ посохи; говорили, что великій князь заселяетъ чужіе города, а свои дѣлаетъ пустыми; стараясь овладѣть чужими землями, теряетъ свои и даромъ губить народъ. Духовенство жаловалось на нововведеніе, на то, что въ несениі повинностей ихъ стали ставить на одну доску съ простымъ народомъ.

Въ планѣ нашего очерка, однако, не входитъ разъясненіе смысла и справедливости этихъ жалобъ: наша задача состояла только въ томъ, чтобы изъ состоянія войска въ XVI-мъ столѣтіи, которое можетъ служить предметомъ для совершенно самостоятельнаго труда, извлечь нѣкоторыя черты для доказательства сдѣланной нами характеристики предшествующаго періода.

А. И. Никитскій.

ЖУРНАЛЪ СОБСТВЕННЫЙ К. Н. Т. ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ВЪ 1717 Г. ИЗЪ НѣМЕЦКОЙ ЗЕМЛИ.

Подъ этимъ заглавіемъ мы печатаемъ записную, собственноручную книжку генераль-фельдмаршала, генераль-прокурора и дѣйствительнаго тайного советника князя Никиты Юрьевича Трубецкого, родившагося 26 мая 1699 г. и умершаго 16 октября 1767 года. Одинъ изъ птенцовъ Петра Великаго, человѣкъ обширнаго и, по своему времени, просвѣщеннаго ума, другъ сатирика кн. А. Д. Кантемира, князь

«РОССІЯ СТАРИНА», издание второе, 1870. т. I.